

ЛЮДМИЛА ЛАПИНА

Призрак горы Феодоро

Людмила Лапина

Призрак горы Феодоро

«Издательские решения»

Лапина Л.

Призрак горы Феодоро / Л. Лапина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968112-6

Историческая повесть о падении последнего христианского государства в горах Крыма. Православное княжество Феодоро пало под ударами турок и генуэзцев. От народа Феодоро остался один призрак.

ISBN 978-5-44-968112-6

© Лапина Л.

© Издательские решения

Содержание

Историческая повесть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Призрак горы Феодоро

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2019

ISBN 978-5-4496-8112-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Историческая повесть

1204 год. В темнеющее над Константинополем небо поднимались клубы черного дыма. Вторые сутки горела столица Восточной Римской империи. Натиск рыцарей-крестоносцев был страшен. Они ушли в Четвертый крестовый поход, но, вместо Иерусалима, обрушились на богатую столицу Восточной Римской империи. Венецианский дож Дандоло, некогда ослепленный в Константинополе, страшно отомстил его жителям за свой позор: город пал после нескольких месяцев осады. Ворвавшиеся на мощенные мрамором улицы великой столицы западноевропейские рыцари не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Особую ярость католиков-франков вызывали православные церкви с бесценными мозаиками и фресками. Их золотые блики символизируют невещественный божественный свет, послание высшего мира. Стены и полы храмов

окрасились кровью священнослужителей и благочестивых прихожан.

Грабежу подвергся и Влахернский дворец – резиденция базилевса. Его последние защитники, варяжская стража, пали, задавленные численным превосходством голодных, обозленных богатствами Константинополя европейских воинов.

Один из них быстро шел по опустевшим коридорам дворца. Тонкие золотые узоры на разноцветных мраморных плитах почти не просматривались, скрытые лужами крови защитников и захватчиков дворца. Воин ступал легко, бесшумно, его мягкие сапоги не будили гулкое эхо в длинных коридорах императорской резиденции. Кольчуга из мелких колечек забрызгана кровью, зеркало со сложным гербом на груди потемнело. Правая ладонь в кольчужной рукавице сжимает рукоять обнаженной сабли. Светлое лезвие её затуманено быстро коричневеющими пятнами. Голову воина скрывал конический шлем без забрала, золоченая стрелка защищала прямой благородный нос. Глаза воина черные, пронзительные, под прямыми черными бровями, смотрели пристально и властно. Он двигался с хищной грацией барса, устремленного к добыче.

Но богатства дворца правителей Восточной Римской империи не привлекали его внимания – равнодушно проходил он мимо златотканых ковров и занавесей, сорванных с высоких застекленных окон. Не трудился поднять рассыпанные по великолепным мраморным полам золотые, серебряные монеты, оброненные торопливыми грабителями. Ожерелья, оплечья, браслеты, горящие драгоценными камнями, воин перешагивал как досадные помехи. Видимо, его влекло что-то другое.

По следам первого воина двигались еще два, похожие на него, но с более грубыми лицами и в броне попроще.

Знатный воин вбежал в разоренную церковь дворца, освященную в честь Влахернской иконы Богоматери. Образ Ее сейчас пребывал на мраморном полу. Богохульные руки крестоносных грабителей сорвали драгоценный оклад и унесли его в неизвестном направлении. Воин страдальчески нахмурился, благоговейно поднял ограбленную икону и прислонил ее к невысокой – по пояс ему – алтарной преграде. Благоговейно перекрестившись, он растерянно оглядел разгромленную церковь. Литое золотое распятие, драгоценные сосуды с алтаря, кадила... все исчезло. Почему же внутреннее чувство, приведшее его сюда, кричало, что святыня все еще здесь? Воин приложил левую руку к солнечному сплетению и почувствовал жар даже сквозь кольчужную рукавицу. Он закрыл глаза, и сквозь радужные пятна под закрытыми веками затеплился нежнейший свет, подобный перламутровому сиянию отборного жемчуга из великих северных рек далекой Руси.

Не открывая глаз, он сделал несколько шагов и очнулся только у входа в церковь. «Мне нужно уйти? Зачем же я стремился сюда?» – растерянно подумал воин, покидая маленький храм. Но тут как будто его кто-то схватил за плечи и развернул в другую сторону. По левую руку

от себя он увидел маленькую железную дверку. Он переложил саблю в левую руку, осенил себя православным крестом и распахнул маленькую дверь. Несколько ступеней мраморной лестницы привели его в крипту – подземный храм. Чем ниже он спускался, тем светлее становилось вокруг и у него на душе. Сияние исходило из-за невысокой алтарной преграды. По белому мрамору стен и потолка скользили серебристые блики, казавшиеся живыми. Воин, осторожно ступая по драгоценному порфиловому полу, приблизился к алтарной преграде. Сердце его почти остановилось от восторга, как всякий раз, когда он любовался видом своих владений с крыши родного дома на вершине горы Феодоро. Сейчас он склонил голову и шагнул сквозь алтарную преграду, ожидая, что Господь вот-вот покарает его за дерзость.

Серебристое сияние заструилось ему навстречу из сердца храма – алтаря. Воин опустился на колени, шлем упал с его головы, сабля выскользнула из могучей руки, а глаза восторженно созерцали святыню, испускающую мягкое жемчужное сияние. На мраморной доске алтаря перед ним стоял сосуд, отлитый из золота. Какой же другой металл может сиять так мягко и завораживающе? Круглая ножка сосуда напоминала семиступенчатую лестницу, а сама чаша, окруженная нежным ореолом, походила на очертания колыбели. В таких женщины его народа укачивают своих младенцев. В такой много лет назад качала его мать-княгиня во дворце на вершине горы Феодоро.

– Золотая колыбель, – выдохнул воин, уронил на пол кольчужные рукавицы и протянул руки к святыне. Пальцы его стали прозрачно розовыми, когда жесткие широкие ладони обняли чашу.

Неся святыню в сложенных чашей руках, князь Алексей направился к выходу из подземной часовни. Он не ощущал своего тела, казалось, что он ступает по облакам. Чашу он нес благоговейно, страхась прижать к обтянутой кольчужой груди. Князь не мог допустить соприкосновения святыни, омытой кровью Христа, с металлом, созданным для войны.

Князь вышел из ограбленной церкви в коридор дворца. Даже здесь чаша светила слабым жемчужным сиянием. Теперь добраться до корабля, стоящего в гавани, и можно плыть домой, в благословенную Таврику. Там, на горе Феодоро, святыня будет надежно скрыта. Князь шествовал по разгромленному дворцу, чудом избегая нежелательных встреч. Он повернул в очередной коридор, сквозь разбитые створки дворцовых ворот уже виднелось мрачное ночное небо. Навстречу вышли два воина в кольчугах, шлемах и с саблями в руках.

Князь застыл на месте. Он, благородный опытный воин, мог бы победить этих врагов и без сабли, и с незащищенной шлемом головой. Но тогда надо выпустить чашу из рук. Князь замер, подобно сжатой пружине. Зловещие отсветы пожаров и нежный жемчужный свет чаши струились по его кольчуге.

Воины остановились, как налетевшие на стену, сабли со звоном упали на драгоценный мраморный пол. Вид князя Алексея внушал благоговейный страх – его лицо, подсвеченное снизу, казалось бледным и одухотворенным, глаза сияли, как звезды.

– Господин, вы нашли... – сказал один воин, голос его пресекся, он, крестясь, упал на колени.

– Та самая чаша, – проговорил другой и тоже опустился на колени. Князь Алексей узнал своих ближних воинов даже во мраке темной южной ночи.

– Да, друзья мои, я нашел её, – ответил он, тело его незаметно приняло другое положение – в данный момент князю не надо опасаться нападения и волноваться за ценность величайшей христианской святыни. Скорей бы добраться домой!

– Корабль уже сутки готов к отплытию, ждали только вас, господин...

Они вышли из разоренного дворца и двинулись в порт. Телохранили шли впереди и позади своего князя. Он шагал медленно, величаво, ощущая себя престолом замечательной чаши. Темная ночь казалась светлее и теплее от её неяркого свечения. Воины княжества Феодоро двигались как в каком-то прозрачном коконе, отделявшем их от ужасной действительности.

сти разгромленного города. На всем неблизком пути до порта у них не произошло ни одной неприятной встречи, телохранителям не представилась возможность выказать доблесть перед своим князем.

В порт они добрались к рассвету. Восток едва зарозовел, когда феодориты вступили на длинный каменный мол, влажный от выпавшей росы. Их корабль, двухмачтовая шхуна «Мангуп», причален в конце мола. Князь Алексей с воинами прошли мол и поднялись на борт судна – кусочек милой родины.

Вся команда высыпала на палубу встречать своего князя – отношения среди феодоритов были простые, патриархальные – князь – отец народа, остальные – его дети.

Князь на вытянутых руках поднял чашу, и нежный жемчужный свет озарил лица его родных и друзей.

– Константинополь пал, – вымолвил князь. – Больше нам нечего здесь делать. Мы отвезем на нашу родину эту святыню.

Молча, благоговейно созерцали люди золотую чашу. На востоке разгоралась заря, серебристо-серая гладь моря окрасилась в нежно-розовый цвет.

По взмаху руки князя матросы втянули на судно трап и швартовочные тросы. Капитан взял курс на восток.

Князь спустился в свою каюту, чувствуя себя бодрым, полным сил после бессонной ночи, как будто это не он только что прошел по разгромленному городу, видя кровь, страдания, смерть.

Алексий поставил чашу на скромный стол – откинутую доску под иллюминатором в своей каюте. Макушкой он почти касался потолка – палубы шхуны.

Князь Алексей взял чистую рубашку, которую дала ему в дорогу мать, и бережно обернул священную чашу. Где же хранить такую драгоценность? Князь отстегнул от пояса кожаный кошель, вытряхнул его содержимое и уложил туда чашу. Реликвия будет с ним, пока он не принесет её домой, на гору Феодоро. Плавный ход быстрого судна внушал надежду, что феодориты быстро вернуться на родину.

Шхуна «Мангуп» день и ночь плыла на восток. Дарданеллы и Мраморное море миновали без происшествий. Легкая юркая шхуна птицей неслась по зеленым прозрачным волнам. Но при входе в Понт Эвксинский погода испортилась – небо затянули черные тяжелые тучи, разразилась гроза с блеском молний и ливнем, хлещущим поверхность взбаламученной воды. Паруса слетели с мачт и исчезли в пучине. Князь стоял на мостике вместе с капитаном, помогая удерживать рвущийся из рук деревянный штурвал. Остальная команда вычерпывала воду в трюме. Вот шхуна тяжело поднялась на очередную высокую волну, молния ударила рядом с левым бортом, морская и дождевая воды вскипели.

– Сейчас мы утонем, мой князь, – спокойно сказал капитан, руки его на рукоятях штурвала не дрожали, только костяшки пальцев побелели. Князь Алексей окинул взглядом разбушевавшееся море, страшное давящее небо и произнес:

– Такова, значит, воля Божья!

– Я не боюсь смерти, мой князь, – сказал капитан. – Но как наш народ выживет без нас?

Казалось, на лицо Алексея упал солнечный луч – таким светлым оно стало. Он бережно вынул святую чашу из кошеля на поясе, развернул рубашку, белой птицей вспорхнувшую с его руки. Охватив чашу ладонями, он поднял её над головой и воззвал:

– Господи, Святый Боже, охрани нашу родину!

Держа золотую чашу на вытянутых руках, князь молился за свою страну и народ, призывая благословение на поля, города, крепости феодоритов.

Под святые слова молитвы пальцы его стали прозрачно розовыми, теплый свет пробился сквозь них. Капитан застыл, твердо удерживая шхуну на выбранном курсе. Он молился вместе с князем, в благоговейном страхе разглядывая святыню. Казалось, над шхуной взошло

маленькое солнышко. Его лучи согревали князя и капитана, разгоняли мглу непогоды. Небо над шхуной уже не было таким мрачным, волны вокруг становились меньше, и вскоре настоящее солнце с голубого неба осветило корабль феодоритов. Капитан приказал поднять на мачты запасные паруса. До самой гавани Каламиты – главного порта княжества Феодоро, его моряки, плывшие с князем Алексием, наслаждались прекрасной погодой. И в гавань Каламиты они прибыли очень быстро. Краем сознания князь Алексей отметил эту странность, сходя на берег. Ночь прибывшие из Константинополя провели в крепости Каламита.

Князь задержался в Каламите на один день, чтобы местные жители смогли поклониться константинопольской святыне, и на следующее утро выехал в свою столицу. Весть об его благополучном возвращении летела впереди него.

На закате следующего дня князь Алексей с телохранителями подъезжал к своей родовой крепости. Толпа радостно возбужденных феодоритов приветствовала его громкими криками. Тяжелые ворота крепости распахнулись, и князь вступил в свой дом. На серых ступенях донжона его ожидала семья – престарелая мать, молодая жена с маленьким сыном на руках, и старый священник, воспитавший его. Алексей спешил, взбежал по ступеням, обнял мать и супругу. Отстранив женщин, он стряхнул на землю кольчужные рукавицы, запустил руку за ворот кольчуги. Ласковое тепло побежало по руке князя, святыня покоилась у его сердца. Алексей поднял чашу на вытянутой руке и показал изумленному народу. Мягкий золотистый ореол окутал святыню, последние лучи заходящего солнца бросили на неё тревожные пурпурные тени.

Люди крестились, падали на колени, благоговейно созерцая чудо, привезенное из-за моря. Суровое лицо князя, стоящего у входа в донжон, сияло неземной красотой. Старик-священник громко читал благодарственную молитву. Когда он закончил, князь преклонил колени и подал ему чашу.

– Примите, отец!

– Нет, сын мой, сам отнеси это сокровище в нашу церковь, – ответил старик, поднимая его.

– Охотно, – вымолвил князь. Торжественным шагом, держа чашу высоко над головой, Алексей направился в храм, расположенный северо-западнее донжона. Священник и обе княгини двинулись за ним, а следом шли потрясенные феодориты.

В сгущающихся сумерках чаша сияла, как путеводная звезда. В базилике, посвященной памяти святых Константина и Елены, правителей Константинополя, предков князей Феодоро, Алексей прошел по гулкому каменному полу. Мягкий свет чаши раздвигал темноту в храме. Держа чашу обеими руками, князь приблизился к алтарю. Обе княгини в длинных покрывалах скромно остановились у алтарной преграды – женщинам вход в алтарь заказан. Священник торжественно распахнул алтарные ворота. Князь вступил в святая святых храма и благоговейно опустил на алтарь свою бесценную ношу. Чаша встала прямо в центре старинного престола, и алтарь базилики приобрел гармоничную завершенность. Золотистые отблески побежали по потолку и стенам базилики. Князь Алексей перекрестился, поклонился святыне и спиной вперед вышел из алтаря. Священник взволнованным голосом начал благодарственный молебен. К нему присоединились все жители крепости Феодоро. Помолившись, люди подошли под благословение, и храм опустел.

Княжеская семья последней покинула базилику. Алексей шел по двору крепости, обнимая обеих княгинь. Старый священник стоял у портала базилики и благоговейно смотрел вслед своему воспитаннику. Золотая колыбель, некогда вывезенная из Иерусалима, спасенная из Константинополя, теперь будет пребывать здесь, на горе Феодоро! Старик не пытался отереть счастливые слезы. Сквозь них луна казалась какой-то странной. Поднявшаяся в восточной части неба, она освещала дорогу князю и княгиням, на западной стороне небосклона багровыми углями еще догорал закат.

В эту ночь луна была необыкновенно круглой и большой, как щит феодоритов. Её почти белый свет заливал окрестные горы, серые известняковые стены крепости казались серебряными в холодном лунном сиянии.

Княжеская семья подошла к ступеням донжона, почти скрытым густой тенью восточной стены. Алексей взял на руки сына, помог взойти по ступеням матери и жене. Обнимая спящего наследника, он сделал широкий шаг и скрылся в башне. Священник поднял руку, благословляя на ночь дорогих ему людей, и застыл от изумления. Показалось ли ему, что две тени упали от ног князя Алексея: одна угольно черная, другая – немного темнее серебристого лунного света?

1475 год. Золотая чаша сияла в руках священника. Князь Мануил принял святое причастие, склонился в земном поклоне и вышел из подземного храма, где святая чаша пребывала уже почти триста лет, с того дня, когда предок нынешнего князя Феодоро вывез её из горящего Константинополя.

Господь и сегодня даровал всем добрым христианам солнечный день. Князь остановился у крепостной стены и обозрел свои владения. Как всегда, с самого детства, у него сбилось дыхание от красоты, окружившей его столицу: золотые пшеничные поля, густые рощи, зеленые луга, серебристые речки раскинулись до самого горизонта, насколько могли видеть его глаза. И над этой мирной землей синее яркое небо, того оттенка, какой бывает только на родине.

От любви к родной земле слёзы навернулись на глаза князя. Он быстро сморгнул их и во главе свиты, держа за руку младшего сына Алексея, поднялся в свой дворец. Они прошли прямоугольный портал, украшенный белоснежным паросским мрамором, пресекли внутренний двор с лепечущим фонтаном и вошли в огромный двухсветный зал Совета.

Князь Мануил занял свое место на бархатном троне во главе длинного дубового стола и уверенным жестом пригласил ближних советников рассаживаться. Им было что обсудить. Княжество Феодоро окружали злобные враги. Алчные генуэзцы, прибывшие из-за моря, строили свою крепость на побережье княжества Феодоро. Из Константинополя приходили дурные вести – великая православная империя пала под натиском нехристей-турок. Последний ромейский император Константин защищал свою столицу с мечом в руках и погиб на крепостной стене, отражая последний турецкий штурм. Его тело так и не нашли.

Такое уже было в начале страшного тринадцатого века, когда столица православной империи пала под натиском католиков-крестоносцев. Тогда блаженной памяти князь Алексей Феодорийский нашел в горящем городе сакральную чашу и привез её на родную гору. С тех пор золотая чаша хранится в алтаре базилики, храма, устроенного рядом с дворцом правителя. Это – главный храм княжества, вырытый в известняковой горе раньше, чем был построен княжеский дворец. Священная чаша, как золотая колыбель, хранит благополучие и счастье княжества Феодоро.

– Друзья мои, – раздался в зале голос правителя. – Мы должны сейчас решить важный вопрос. Посол наших недругов-генуэзцев просит принять его со свитой в нашем дворце.

Советники задумались, князь терпеливо ждал их высказываний, но решение принять ему.

Князь Мануил во всем походил на своего легендарного предка – благородное лицо с прямым носом, большие черные византийские глаза, отличительная черта династии Гаврасов, чьи предки приходились родней династии Комнинов.

Юный княжич Алексей, носящий имя прославленного предка, сидел рядом с отцом. Уже сейчас он учится управлять государством, главой которого станет в будущем. Княжич только молился пресвятой чаше, золотой колыбели их народа, чтобы это случилось еще не скоро.

Поток солнечного света перетек из одного окна в другое, когда советники заговорили:

– Государь, никаких переговоров с врагами...

– Но надо же узнать, чего они хотят от нас!

– Наши воины сильны, неутомимы, веди нас на врагов, наш повелитель!

Князь выслушал все советы, обвел ясным взором своих ближних, родных, друзей и заговорил, чеканя слова:

– Очень вы помогли мне сегодня решить важнейший вопрос, а теперь подумаем, как нам принять хитрых генуэзцев.

Прошел месяц. Генуэзское посольство въезжало на гору Феодоро. Юный княжич Алексей встречал заморских гостей у входа в крепость. Солнце клонилось к закату, когда поезд генуэзцев поднялся на гору. Заскрипели толстые цепи, опуская мост через глубокий ров, обтекающий старую крепость. Толстые створки литых бронзовых ворот рывками распахнулись навстречу гостям.

Посол одним взглядом оценил толщину крепостных ворот и промолвил своему спутнику:

– Смотри, Гвидо, такую крепость с налету не взять!

– Да, синьор отец мой, я вижу, – отвечал юноша. Лицом он походил на отца – узкое загорелое лицо, твердый ястребиный профиль, но глаза, сияющие сапфиры, и золотистые волосы достались ему от красавицы матери из северной страны.

– Так как же мы возьмем эту крепость, синьор отец? – осведомился Гвидо.

– Лаской, сын мой, лаской и нежностью, вспомни, что я тебе рассказывал о дочери князя.

– Ах, да, княжна Мария, – протянул Гвидо.

– Мои соглядатаи в крепости доносят, что юная княжна дивно хороша.

Лукавая улыбка скользнула по красивым губам юноши. Лук Амура – называют такие губы на Аппенинах, где древнеримские боги еще являются людям, уже носящим знак Христа.

Бронзовые ворота распахнулись, но решетка-герса еще преграждала путь внутрь крепости. Стройная гибкая фигура выступила из мрака. Лучи заходящего солнца бросили пурпурный оттенок на бледное лицо отрока, встречающего гостей. Княжич поклонился гостям и жестом велел поднять решетку. Герса, позванивая, поползла вверх. Алексей взял под узду коня посла и торжественно ввел его в крепость.

Посол, его сын и другие знатные генуэзцы сошли с коней у мраморного портала, ведущего в парадный двор княжеского дворца.

Сопровождаемые Алексием, генуэзцы вошли во двор. Струи фонтана звонко падали в белый мраморный бассейн. Его волнующаяся поверхность окрасилась алым, отразив багрянец закатного неба.

Алексий проводил знатных гостей в отведенные им покои. Через час гулкий звон бронзового гонга возвестил, что гостей ждет глава княжества Феодоро.

Двусветный парадный зал дворца освещали люстры с восковыми свечами, как во Влахернском дворце. Факелы из особого дерева, не дающие дыма, горели в стенных кольцах.

Князь в пурпурном хитоне и красных сапогах восседал на троне, рубины в его венце посылали горячие искры в коробчатый свод и светлые стены зала. У ног князя, на ступенях трона сидела княжна Мария. Сгоглядатаи не обманули – девушка выросла, поистине, красавицей: бледное овальное лицо византийской царевны, ее прабабки и тезки, кажется еще блее в обрамлении массы черных волос, черные бездонные очи, изогнутые, как крылья ласточки в полете, брови, свежий розовый рот. Платье княжны, сотканное из шелковистой шерсти феодоритских овец, окрашено драгоценной краской индиго. Густые волнистые волосы Марии придерживает на лбу тонкий золотой обруч с одним рубином – фамильным камнем Гаврасов. Такой же обруч носит и княжич Алексей. Сейчас он стоит у трона их отца.

Генуэзцы вступили в зал под чистые звуки серебряных труб. Богатство одежд посла и его окружения поразили феодоритов. Посол, сеньор Джузеппе Фальконе, облачился в широкие черные одежды из бархата и шелка, расшитые золотыми нитями. На черном бархатном берете

сияет бесценный изумрудный аграф. На широких, по последней моде, плечах лежит золотая цепь, указывающая, что её владелец – член городского Совета Генуи.

Юная княжна Мария отрешенно наблюдала, как гости входят в приемный зал, приближаются к трону. Она бы с удовольствием осталась в своих комнатах на верхнем этаже жилой башни. Там она бы пряла тонкую шерсть феодоритских овец или вышивала разноцветными шелками, золотом, серебром пелену на алтарь дворцовой церкви или, поднявшись по резной лесенке из древесины ливанского кедра на крышу башни, наблюдала бы закат солнца. Закат сулит новый рассвет, а рассвет – это новые возможности узнать окружающий мир, и, может быть, встретить свою судьбу. Княжна знала, что еще до её рождения Генуэзская республика пошла войной на её родину: эскадра больших судов под командованием кондотьера Карло Ломеллино решила исход битвы за крепость Чембало и гавань Каламиту в пользу захватчиков из-за моря. Те события сорокалетней давности были еще живы в памяти народа Марии. Тогда двадцать генуэзских галер вошли в Черное море и высадили на берегах Таврики шесть тысяч вооруженных до зубов свирепых моряков и пехотинцев. Командовал этим десантом известный кондотьер Ломеллино, уроженец Генуи. Крепость Чембало пала под огнем заморской артиллерии и натиском заморских воинов. Гавань Каламита была главной торговой гаванью княжества Феодоро и всей юго-западной Таврики. В плен попал наследник тогдашнего князя Феодоро. Пришельцы двинулись на восток вдоль берега моря. Они грабили поселения, разрушали крепости и укрепления местных жителей. Спротивляться было бесполезно – генуэзцы сильны, жестоки, искусны в обращении с огнестрельным оружием, мечами и осадными машинами.

Так неудачно закончилась для князей Феодоро борьба за крепость Чембало. Но князь Мануил, отец Марии, когда стал верховным правителем Феодоро, съездил в Кафу, столицу генуэзских владений в Таврике, и заключил мирный договор с пришельцами с Аппенин. Договор пока никто не нарушал. Зачем же прибыли послы в столицу княжества Феодоро?

Князь Мануил закончил приветствие и выжидательно посмотрел на синьора Фальконе. Мария, вслед за отцом, из-под ресниц взглянула на посла. Значительное, горбоносое бронзовое лицо, густые брови, пронизательный взгляд. Синьор Фальконе показался девушке пожилым и мудрым. Ей стало скучно, она перевела взгляд на молодого генуэзца, сына синьора посла. Он приложил руку к сердцу и, вслед за отцом, поклонился князю Феодоро, но взор юноши скользнул по лицу княжны. Ей показалось, что его поклон предназначен именно ей. Девушка затрепетала, опустила ресницы. Впервые мужской взгляд проник в её сердце. «У генуэзца синие глаза и золотые волосы, как странно», – подумала Мария, забывая дышать. Ее глаза раскрылись, вбирая облик молодого Гвидо Фальконе. Высокий, стройный, в модном облегающем колете, какие носили юноши из лучших семейств Генуи, молодой Фальконе казался воплощением цветущей юности.

Мария так смутилась при виде его прекрасного скульптурного лица, что сомкнула ресницы. Ей казалось, что от сеньорино Фальконе исходит нежный свет, видимый ей одной. Во дворце князей Феодоро стояли скульптуры, подаренные императорами Византии: Марс, Геркулес, Аполлон украшали приемный зал столицы княжества. Княжна в глубине души считала их языческими истуканами и воспринимала как мебель, доставшуюся в наследство от славных предков. В отличие от золотой чаши – всякий раз, глядя на неё в церкви, Мария испытывала благоговейный восторг.

Но сейчас, видя перед собой молодого генуэзца, княжна впервые была потрясена мужским обликом и статью. Лучшие черты древних божеств воскресли в нем: сложение Марса, лицо Аполлона и горячая кровь, румянящая его щеки. Он живой, и кожа его, наверное, обожжет, если она осмелится дотронуться до него. Мария покраснела – ей захотелось коснуться его руки или щеки, заглянуть в сапфировые глаза юноши.

Она сморгнула, но сквозь выступившие слезы юный Фальконе показался ей еще красивее. Мария чуть было не потеряла сознание. Спас её отец. Склонившись с трона, он сказал:

– Ступай, дитя мое, распорядись подавать ужин.

Князь значительно посмотрел на сына. Алексей подал руку сестре и проводил её в соседний пиршественный зал. Занявшись обычными делами по хозяйству княжеского замка, Мария успокоилась и уже готова была смеяться над своим волнением. «Я чуть было не опозорилась перед гостями», – думала княжна, оглядывая накрытый стол с пристальным вниманием хозяйки.

Прошел месяц со дня приезда генуэзского посольства в столицу княжества Феодоро. Синьор Джузеппе Фальконе обсуждал с князем важные политические проблемы, а Гвидо развлекался вместе с детьми князя: охота, пикники, музицирование. Юный Алексей и Мария великолепно держались в седлах, но особое удивление Гвидо вызвало искусное обращение княжны с арбалетом и кинжалом. Она и фехтовала превосходно.

– Чему вы удивляетесь, синьорино? – спросила Мария, когда, сидя между братом и гостем на шелковых подушках в тени буковой рощи, радушно угощала Гвидо после верховой прогулки.

– Ваше искусство фехтования удивительно, – взволнованно сказал генуэзец.

– Нас с братом обучал один учитель, – пояснила княжна. Сейчас, в красных лосинах, высоких сапогах и черном бархатном камзоле до колен, она выглядела скорее сыном, а не дочерью князя. Гвидо едва не задохнулся от досады – кроткие, милые феодориты раскрылись ему с другой стороны.

– И что, все ваши девушки-феодоритки учены ближнему бою? – резко спросил он, глядя прямо в глаза княжны. Рука Алексея упала на рукоять кинжала на его поясе, но Мария опустила глаза и тихо ответила:

– О нет, у нас этому учат этому только дочерей князя.

Гвидо подавил резкое желание схватить Марию за плечи, чтобы она уже обратила на него внимание. Но он не сдвинулся с места и отвел взгляд от ее нежного лица. Ладонь Алексея выпустила эфес кинжала. Гвидо задумался – вот уже месяц он добивается внимания княжны, но нисколько не преуспел в этом. Как же он выполнит поручение отца? «Страсть, страдание – тот же звук», – прошипел он себе под нос строчку из сонета Петрарки.

– Прошу меня извинить, – громко сказал он, гибким движением вскочил на ноги, поклонился детям князя и быстрым шагом покинул их общество.

Мария проводила изумленным взглядом убежавшего Гвидо – до этой минуты он был нежен и деликатен, играл на мандолине, читал стихи Данте, Петрарки, Кавальканти – поэта нового сладостного стиля, воспевающего чистую возвышенную любовь. Мария уже начала задумываться о будущем с Гвидо, но он недостаточно высокого происхождения, чтобы составить пару высокородной феодоритской княжне.

– Алексей, я хочу вернуться домой, – вздохнув, сказала она брату.

Вечером того дня Мария не могла уснуть – её измучили мысли о будущем: кого ей выберет в мужья отец? Пусть бы претендент на её руку был похож на Гвидо.

Мария в легком белом домашнем платье стояла у парапета башни, её взгляд скользил по привычным окрестностям родного города. В свете ущербного месяца леса, окружившие Феодоро, казались темным облаком, опустившимся на землю, поверхность озера у подножия горы была схожа с шелковистой поверхностью отшлифованного малахита, как колонны во дворце константинопольских базилисов.

Ночная тишина окутала дворец и всю гору Феодоро. Мария любила такие мгновения полного безмолвия после шумного суматошного дня. Она чувствовала в эти минуты, что душа её воспаряет к Господу в горние чертоги. Почти то же самое она ощущала, глядя на Феодорийскую святыню – чашу, вывезенную её отважным предком из горящего Константинополя.

Когда у её лица возникло чужое лицо, девушка мгновенно выхватила кинжал и приняла боевую стойку. Феодорийская княжна дорого продаст свою честь и жизнь!

– Не бойтесь, сладчайшая Мария, – раздался знакомый голос, и в ночном прищелье девушка с изумлением узнала Гвидо Фальконе.

– Я не боюсь, – ответила она. – Чего мне бояться в доме моего отца?

– Могу ли я припасть к вашим стопам, несравненная принцесса? – спросил Гвидо, держа одной рукой за канат, перекинутый за один из зубцов парапета башни.

– Вы можете встать рядом со мной, но припадать к моим стопам – совершенно лишнее, я не статуя вашей Мадонны, – сказала Мария.

Генуэзец легко перемахнул парапет башни и поклонился княжне.

– Мне отчаянно нужно поговорить с вами, синьорина, – нежно произнес он, пытаясь заглянуть в глаза княжны.

– Слушаю вас, мессир Фальконе, – ровным голосом, не выдававшим трепет её сердца, ответила она.

– Я люблю вас, – выдохнул Гвидо. Она только опустила ресницы, чувствуя, как слова нежного признания растекаются по её коже сладким медом.

– Обратитесь к моему отцу, синьор Фальконе, – ответила она. – А теперь оставьте меня.

Её голос был ясен и тверд. Гвидо поклонился и исчез. Колени Марии подогнулись, кинжал выпал из вспотевшей руки, и девушка опустилась на холодные каменные плиты плоской крыши башни.

Как ей теперь жить, услышав признание красивого юноши? Но что скажет её отец? Разве может наследница княжества Феодоро разделить судьбу с незнатным чужеземцем?

Гвидо вернулся в покои, выделенные генуэзскому посольству. Первый шаг в оболыщении неприступной княжны он сделал. Интересно, это первое признание в любви, которой услышала княжна? С хищной улыбкой он упал на мягкое ложе и поклялся себе совратить княжну не позднее грядущего полнолуния. Мария привлекала его так же как сакральная чаша – святыня феодоритов. Она охраняет эту землю, даёт этим людям благоденствие, процветание и силы для защиты родной земли. Чтобы распространить сюда влияние генуэзцев, надо лишить феодоритов их святынь: похитить чашу, обесчестить княжну. Но как до неё добраться? За месяц, проведенный здесь, генуэзцев даже не пустили в дворцовую церковь, но с княжной Гвидо уже поговорил наедине. Горячая кровь билась в висках генуэзца – если Мария не отдастся ему добровольно, он ее похитит, ее и чашу.

Юный княжич Алексей не поддается чужому влиянию, Гвидо выяснил это сразу. Наследник княжества Феодоро чтит своих великих предков. Отец для юного Алексея – непререкаемый авторитет. Чужеземцам из-за моря не удалось подчинить юношу своему влиянию. Он почти не пьет вина, равнодушен к деликатесам, презирает азартные игры, любит читать старинные книги и упражняться с оружием. Может, сестра его будет стоворчливее? Она девушка и не обладает стальной негибкостью героических душ властителей Феодоро.

На рассвете Мария собралась идти в фамильную церковь, где с тринадцатого века хранится святая чаша. Девушка надеялась, что исповедь и молитва перед святыней успокоят её душу. В сером свете раннего утра княжна самой себе казалась бесплотной тенью, бесшумно подходящей к церкви. Резная дверь из местного дуба была приоткрыта, и Мария проскользнула в щель.

Пожилой священник, крестивший её саму, отца и брата, многолетний духовник княжеской семьи, тихо молился у алтаря, а теплое сияние золотой чаши пробивалось сквозь алтарную преграду. Оказавшись в родном храме, девушка почувствовала себя лучше. Священник благословил и прижал к груди свою духовную дочь. Её темные глаза стали, казалось, еще больше за эту ночь, а безукоризненный овал лица словно истончился.

– Откройся мне, дитя, скажи, что за горечь привела тебя сюда в этот час.

– Я чувствую, что нас ожидает большая беда, – дрожащим голосом сказала Мария.

Гонец влетел во двор замка и осадил разгоряченного коня. Доложили князю, он вышел на балкон.

– Вести от московского князя, великий князь, – с поклоном сказал гонец. Князь сделал ему знак подняться в приемный зал и воссел на трон. Гонец приблизился, опустился на колени и подал государю запечатанный красным сургучом пакет с оттиском двуглавого орла, герба Византии, а теперь и Московии. Князь Иван III женился на византийской царевне Зое Палеолог, получившей в Москве имя Софья, а московское княжество приняло герб павшей под ударами турок империи.

Князь Мануил велел позаботиться о гонце, привезшем, наверное, важные вести, и удалился в комнату для совета. Оставшись там один, князь извлек кинжал из ножен и вскрыл пакет. Перечитав несколько раз текст, написанный золотыми буквами на пурпурном пергаменте, он надолго задумался, а потом велел позвать к себе дочь. Он принял княжну, сидя на троне. Когда бледная взволнованная Мария, одетая как подобает княжне, вступила в тронный зал, отец сказал:

– Приблизься, дитя мое, тебя ожидает блестящая судьба.

Мария пошатнулась, но справилась с собой, подобрала подол платья из голубой шерсти, твердой походкой подошла к трону отца, склонилась в глубоком поклоне. Он ласково поднял её и усадил рядом с собой.

– Радуйся, дитя, московский князь просит твоей руки для своего сына Ивана. К нам следует его посольство с богатыми дарами.

Мария побледнела, рука её, лежащая в ладони отца, похолодела. Перед её внутренним взором стояло прекрасное лицо Гвидо, а сердце заныло. Ей придется отринуть свою любовь и уехать в далекую Москву. О том, чтобы послушаться отца, она даже не подумала.

Вот её судьба и решена, но почему так стонет душа. Она не говорила с Гвидо о своей любви и пресекала все его попытки говорить на эту тему. У них нет будущего, но имя Гвидо Фальконе казалось ей написанным кровавыми буквами на полу тронного зала.

– Да, отец, я исполню вашу волю, – ответила княжна, целуя руку князя. Он обнял дочь. Конечно, он и не думал, что она осмелится противоречить ему. Его дочь хорошо воспитана, и при дворе московского князя будет образцом православной красоты и здравого смысла. Его внук станет когда-нибудь правителем Московии! Сердце князя замирало, когда он думал, что кровь Гаврасов и кровь Рюриковичей, соединяясь, прославят оба рода. И, конечно, его Мария в далекой Москве будет носить соболя, жемчуга, серебро – богатства северных лесов и рек. Князь подумал, что надо будет рассказать об этом Марии поподробнее, а то она что-то не очень ободовалась своей замечательной судьбе.

– Ну, ступай, дочь моя, поблагодари Бога за такой счастливый поворот своей судьбы.

Мария поклонилась отцу и вышла из тронного зала. Она пошла в часовню замка, чтобы только духовнику и Богу открыть свое сердце. А сердце её призывало Гвидо Фальконе. Он же признался ей в любви! И всё чаще Мария задумывалась, каково это – быть любимой прекрасным юношей.

Князь Мануил позволил ей помечтать, но его мечты были государственными: надо подсказать Марии, что она, когда попадет на Русь, заказала для себя корону, как у византийских императриц. Князь вспомнил мозаики церкви Сан-Витале в Равенне, где императрица Феодора, супруга императора Юстиниана, запечатлена в мозаике на века. Князь, будучи еще наследником престола Феодоро, побывал в Равенне и видел изображение древней императрицы в царском пурпурном облачении, отороченном золотой каймой в короне, усыпанной драгоценными камнями. Жемчужные подвески обрамляют умное, властное, прекрасное лицо с темными глазами. У его Марии такие же глаза, она будет достойной повелительницей Мос-

ковии, унаследовав славу и величие императрицы Феодоры. И сын Марии унаследует абсолютную власть. Князь подумал, что, когда его русский внук войдет в разумный возраст, он пригласит его в гости – надо же ему будет познакомиться со своими родственниками-феодоритами, и, быть может, они смогут посетить Равенну, бывшую столицу Западной римской империи. Князь покажет внуку мозаики церкви Сан-Витале, могилу Данте и объяснит наследнику двух правящих семейств, как важно оставить о себе добрую память в народе и литературе. Подумать только, Данте написал свою «Комедию» в прошлом веке, и теперь мы можем точно знать, что происходило во Флоренции при его жизни, конечно с точки зрения самого поэта. Князь подумал, что время его путешествия было очень бурным – Константинополь пал, когда он находился во Флоренции, на родине Данте Алигьери. Тысячелетняя империя прекратила существование. Сам император погиб на стенах, защищая столицу с оружием в руках. Гибель славная, но непростительная для политика. Князья Феодоро потеряли родственника и влиятельного покровителя. Отряд феодоритов, посланный императору, не вернулся из Константинополя. Князь Мануил задумался о своем предке, князе Алексии – он не только привел на родину свой отряд, участвовавший в 4-м крестовом походе, но и спас чудесную христианскую реликвию – золотую чашу-колыбель. Князь Мануил растил своего сына Алексия достойным славы великого предка. Алексей взойдет на княжеский престол Феодоро в более спокойном мире, чем и его отец. Тогда политическая обстановка была очень нестабильна – пал Константинополь, в Европе окончилась столетняя война между Англией и Францией. Турки рвались в Европу, владения Византии в Европе были ими захвачены. Но до Феодоро они не доберутся – Её крепости сильны, а народ стоек и отважен. Да, сейчас феодориты – мирные земледельцы, пастухи, ремесленники, но в час испытаний они как один встанут на защиту своей родины и не допустят захватчиков на святую землю Феодоро. Князь быстро перекрестился и вознес молитву о том, чтобы военная угроза миновала страну и его народ.

Брачный союз Марии Феодорийской и наследника русского князя Ивана III будет полезен обеим сторонам – княжество Феодоро получит надежную защиту, а семья русского князя – красивую, умную супругу наследника престола. Мария не только умна, она хорошо образована и сможет облагородить нравы при дворе московского князя и воспитать выдающегося наследника московского престола. Князь взмолился, чтобы все сложилось так, как он наметал. Правитель Феодоро вышел из покоя за тронным залом, где пребывал в уединении.

Тронный зал готовили к торжественному приему русского посольства. Князь осмотрел приготовления и подумал, что надо бы позвать Марию, чтобы она исполняла обязанности хозяйки, но пожалел дочь. Такая перемена в судьбе, пусть и счастливая, требует времени, чтобы подготовиться и достойно встретить свое жизненное предназначение, и если Мария сейчас уединилась в своих покоях или молится в часовне, это её право. Князь отправился в фамильную часовню – беседа с отцом Димитрием сейчас ему необходима.

Князь Мануил шел в фамильную часовню по двору крепости. Везде царил праздничный оживление. Приезд русского посольства – радость для жителей Феодоро. И пусть их нежная княжна отправится жить далеко на север, в холодную Московию, она оттуда проследит, чтобы её соплеменники ни в чем не нуждались.

Князь небрежно ответил на низкий поклон молодого генуэзца. Как его... Ну да, Гвидо, синьорино Фальконе. Его отец, старый синьор Фальконе, оказался большим хитрецом – склонял князя Мануила заключить союз, выгодный только генуэзцам. А что делал молодой Фальконе, пока его отец вел переговоры с князем Мануилом? Очаровывал его дочь. Теперь это стало ясно князю. Он подавил вспышку гнева. Мария ни в чем не виновата, она вела себя, как подобает радушной хозяйке и никогда не оставалась наедине с молодым генуэзцем. Почти всегда с ними был княжич Алексей.

Значит, бояться нечего – Мария достаточно разумна, чтобы вести себя правильно, особенно теперь, когда ей сделано такое прекрасное предложение руки и короны. Что ж, визан-

тийской базилиссой ей не быть, а стать московской княгиней совсем неплохо. Князь Мануил понадеялся, что нынешняя московская княгиня Софья, урожденная Зоя Палеолог, будет добра к своей родственнице из княжества Феодоро.

Князь Мануил вошел в часовню. Он не заметил, что молодой Фальконе проследил за ним не менее «добрым» взглядом и тихо направился следом за правителем Феодоро.

Гвидо скорчился у входа в часовню. Князь и пастырь не заметили, что кто-то слушает их разговор. Говорили они по-гречески, но коварный итальянец хорошо знал этот язык – няня его была беглянкой из Константинополя, захваченного турками в 1453 году. А теперь опасность нависла и над Тавридой – султан жаждет присоединить к своей империи этот благодатный полуостров.

– Я пришлю людей проверить подземный ход из часовни, – говорил князь. – Он должен быть в хорошем состоянии на случай осады.

– Сын мой, это великая тайна, – ответил священник.

– Я пришлю сына и его воспитателя, тайна не выйдет из нашей семьи, – успокоил князь своего духовника. – В последнее время я мало уделял внимания нашим подземельям. Надо посмотреть и укрепить их. Это наша последняя надежда на спасение.

Гвидо трясло как в лихорадке. Только что случайно он узнал тайну, к которой подбирался всё это время. Из часовни есть подземный ход и ведет он в недра горы Феодоро. До него доходили слухи, что там существует подземный город с православными церквями и дворцами, но добрые, кроткие феодориты тщательно охраняли свои тайны от глаз хитрых коварных чужеземцев.

– Думаешь, сын мой, осады нам не избежать? – спрашивал пастырь.

– Хотел бы я развеять твои опасения, отец мой, но нам надо готовиться к худшему. Вот урожай мы должны снять хороший.

– Помолимся за наших людей, их жизни и благополучие, – сказал отец Димитрий и склонился перед алтарем. Князь опустился на колени рядом с исповедником, которого знал с детства. Князь и священник не заметили, что в часовню тихо проскользнул еще один человек. Он затаился у входа, устремив горящий взгляд на алтарь православного храма. Золотая чаша, невидимая сейчас, была предметом его исступленного желания. Злая радость переполнила Гвидо – в часовню ведет подземный ход, надо только найти его. Золото и сталь – два надежных проводника! Уж кто-нибудь из феодоритов проговорится! Князь и священник, коленопреклоненные, молились у алтаря. Теплый золотистый свет из-за алтарной преграды ложился на их лица мягкими бликами.

Гвидо дрожал от нетерпения в засаде. О, как ему хотелось остаться наедине с бесценной чашей, почти так же, как с княжной. Помолившись, князь вышел из часовни, генуэзец тугой пружиной сжался в своем углу. Он бы охотно пришиб и князя Феодоро, если бы знал, что может уйти незамеченным. «Мое время еще придет», – яростно думал Гвидо. Священник тоже вышел из часовни. Гвидо остался один. Он беззвучной тенью вступил в часовню и прокрался к алтарю. Чаша струила нежный золотой свет. Гвидо застонал от предвкушения и обеими руками схватил чашу. Ладони обожгло, золотистое сияние померкло, но генуэзец удержал чашу и быстро сунул её под камзол. Повернувшись спиной к алтарю, он устремился к выходу, но не успел – отец Димитрий вошел в часовню. Похититель заметался, чаша жгла его грудь сквозь рубашку, ладонь сжала эфес кинжала.

– Кто здесь? – голос священника разнесся по всей часовне. Гвидо застыл, вся его поза изобличала вора.

– Это я, падре, – еле выдавил он.

– И что же вы, синьор Фальконе, делаете в нашей церкви? – спросил отец Димитрий.

– Пришел помолиться, – ответил итальянец.

– Грешен? – строго спросил священник.

– Грешен, святой отец, – с показным смирением согласился Гвидо.

– Что ж, молись, но исповедь не приму, – строго произнес священник и обошел Гвидо по проходу к алтарю. Тут только он заметил, что алтарь освещен лишь восковыми свечами. Исчезло теплое золотистое сияние, исходившее от чудесной чаши. Священник круто обернулся – молодой генуэзец со всех ног неся к выходу.

– Стой, остановись! – вскричал отец Димитрий. – Отдай чашу, нечестивец!

Гвидо готов был выскочить из часовни, но снаружи раздались голоса. Он оглянулся – разгневанный священник подбежал уже близко. Гвидо выхватил кинжал из ножен, сжал крепче позолоченный эфес и его массивным навершием ударил в лоб отца Димитрия. Он упал навзничь с открытыми глазами. В них отразился сводчатый потолок фамильной церкви властителей Феодоро. Гвидо застыл на месте. Голоса и шаги с улицы приближались ко входу в церковь. Молодой Фальконе понял, что не успеет выйти из оскверненной им церкви. Воровство, убийство... Неужели он и впрямь совершил эти злодеяния? Гвидо встрепенулся и перепрыгнул убитого священника. Сейчас он хотя бы чашу вернет на место. Кто-то вошел в церковь. Гвидо вбежал в алтарь и скорчился за алтарной преградой. Может, его не найдут? В бурной жизни Генуи ему случалось убивать в кратковременных ночных стычках на темных городских улицах, но убийство священника, даже православного... Убийца попадет прямиком в ад! Хлопнула дверь, раздался нежный голос:

– Отец Димитрий, я пришла к вам.

Гвидо узнал голос Марии. В отчаянии он обвел глазами алтарь. Показалось ли ему, что тень в левом углу слишком правильна и похожа на очертания какого-то портала?

– Отец Димитрий! – продолжала звать княжна. – Где... – голос перешел в вопль ужаса. Гвидо решил. Он метнулся в левый угол и толкнул стену кулаком, не выпуская кинжала. Эфес задел какой-то выступ, и дверь поддалась. Гвидо ухватил левой рукой горящую у алтаря толстую свечу из хорошего воска. «Местный князь щедр к своей церкви», – цинично подумал он и шагнул в открывшийся проход.

Мария нагнулась и закрыла глаза покойному священнику. Надо выйти, позвать стражу, доложить отцу. Боль и гнев сжали горло Марии. Она обвела глазами оскверненную церковь и уже хотела выйти звать на помощь, но вдруг поняла, что не видит теплого золотого свечения сакральной чаши – чудесной хранительницы княжества Феодоро. Княжна издала вопль ярости. Какой-то негодяй прокрался в их церковь, убил священника и похитил чашу. Пока Мария шла к церкви, ей навстречу никто не выходил. Значит, вор и убийца еще здесь? Девушка обошла убитого и двинулась к алтарю, быстро оглядывая знакомую с детства церковь. Здесь спрятаться невозможно. Осторожные шаги прошелестели за алтарной преградой. Волна жаркого гнева прошла по телу Марии. Злодей, убивший её духовного отца, похитивший чашу, так близко! Она поймает его и вернет чашу. Отца Димитрия уже не вернуть, а чашу можно! Девушка ворвалась в алтарь. Женщинам входить туда нельзя, но сейчас она гонится за преступником, святотатцем, Бог простит ей этот грех. Князя Феодоро – защитники своих подданных и святынь своего народа. Сейчас здесь нет её отца и брата, но она, княжна Мария, исполнит долг перед своим народом. Девушка быстро осмотрелась. Дверь в подземный ход была чуть приоткрыта, шаги преступника затихали. Мария подхватила подол своего черного платья (она же шла на исповедь) и распахнула дверь. Из-под её ног вниз уходила лестница, вырубленная в известняке, из которого сложена гора Феодоро. Лестница крутая, ступени высокие, но Мария бесстрашно начала спуск, прислушиваясь к шагам преступника.

Гвидо летел вперед, им владело одно желание – бежать, скрыться с чашей. Теперь он может вернуться в Кафу вместе с отцом и всем посольством. Их миссия выполнена. Святыня Феодоро похищена, теперь народ Феодоро лишится божественной поддержки. Значит, крепость можно будет захватить сравнительно быстро, и влияние генуэзцев скоро распространится и на эти богатые, благодатные земли. Гвидо перепрыгивал одну-две ступеньки, сжимая в руке

кинжал с окровавленным эфесом. Он ожидал, что с каждым шагом будет всё темнее – ведь лестница круто уходит вниз, и боялся остаться в полной темноте. С изумлением он заметил, что слабый свет пробивается сквозь щели в своде этого подземного коридора. Воздух оставался чистым, под ногами было сухо. Гвидо не знал, куда идет, но надеялся выбраться к подножию горы и спокойно вернуться в крепость. Отец обрадуется, они спрячут чашу, вежливо распрощаются с князем Мануилом, его детьми и спокойно уедут в Кафу. А там... Гвидо блаженно сощурился. Там они соберут войско и вернутся. И тогда феодориты заплатят за всё – за гордость своего владыки, за неприступность своей княжны. Может, Мария захочет быть с ним более благосклонной, но уже поздно... Победители – генуэзцы выдвинули свои условия, гордые феодориты почувствуют тяжелую руку новых хозяев их земли.

Мария уверенно шла по подземному ходу. Недавно отец открыл ей и Алексею эту тайну их семьи. Мария с братом и его наставником раз десять прошла этими подземельями. Спустившись по лестнице, девушка нашарила на стене справа, на уровне своих глаз, хитро замаскированный тайник. Она открыла его, надавив на особый выступ в стене. Такие тайники были сделаны по всем ответвлениям подземного хода, соединяющего дворец, часовню и сокровищницу князей с выходом к подножью горы. В тайнике лежали свечи, огнива, кинжалы, серебряные фляги с водой и густым сладким вином, кошельки с золотом – всё что нужно, чтобы выжить в ситуации, когда рушится привычная комфортная жизнь. Мария поспешно опоясалась поясом с кинжалом, несколькими точными ударами огнива высекла искру и запалила толстую восковую свечу. Свеча была вставлена в костяной подсвечник с ручкой, чтобы её удобно было держать. Подготовившись таким образом, Мария опять устремилась в погоню и с удивлением поняла, что больше не слышит шагов убийцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.